

НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПЕЦИФИКА, ТРЕНДЫ, ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ*

А.Г. Дружинин

THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SPECIFICS, TRENDS, DEVELOPMENT POTENTIAL SOVIET UTOPIAN DISCOURSE: RECONSTRUCTION ATTEMPT

A.G. Druzhinin

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО) Российской Федерации на Украине явилась одной из наиболее ключевых и резонансных составляющих разворачивающейся все последние годы (и загодя многократно предсказанной [1–3]) кардинальной трансформации глобального миропорядка. Одним из промежуточных итогов протекающего в ее рамках военно-силового, финансово-экономического и информационно-идеологического противостояния стало решение о принятии в состав Российской Федерации четырех новых ее субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, а также Запорожской и Херсонской областей. Ранее более двух столетий эти территории осваивались и развивались в геополитическом контуре Российской империи (СССР), в едином пространстве русской культуры [4], выступали неотъемлемой составляющей Русского мира. В постсоветский период они в одночасье

обрели статус «ближнего зарубежья». Неустойчивое, подчас фрагментарное, но тем не менее всевозрастающее внимание к ним российского исследовательского сообщества стало проявляться преимущественно с 2014 г. [5–7], ставшего временным рубежом, четко обозначившим и высветившим не только выраженную социокультурную, этнополитическую специфику юго-востока Украины, но и глубинный, обусловленный совокупностью как эндогенных факторов, так и внешних детерминант (в первую очередь – экспансии глобалистских, евроатлантических сил) кризис украинской государственности. Ставшее прямым ее следствием распространение юрисдикции Российской Федерации на новые территории предполагает их ускоренное ментальное «реосвоение» и углубленное познание отечественным интеллектуальным сообществом, в том числе в рамках все более актуализирующихся [8] общественно-географических подходов. Данная статья, фокусирующая внимание на демографической и социально-экономической специфике новых российских регионов, анализе их местоположения и трендов в составе Украины, потенциале и приоритетах включения в российское хозяйственное, селитебное и транспортно-логистическое пространство, – один из необходимых шагов в данном направлении.

* Несмотря на незавершенность СВО РФ на Украине, сохраняющуюся неопределенность временных и территориальных параметров ее проведения, редакция журнала считает публикацию статьи весьма актуальной и своевременной. Статья открывает в научном дискурсе очень важную тему для комплексного и в дальнейшем все более детального экспертного осмысления социально-экономических и социокультурных процессов на территориях новых субъектов РФ – Донбасса и Северного Причерноморья.

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, e-mail: alexdru9@mail.ru, т.: 8(863)2560849.

Alexander Druzhinin – Southern Federal University, 160, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: alexdru9@mail.ru, tel.: 8(863)2560849.

Территория новых субъектов Российской Федерации и ее структура. Согласно принятым 4 октября 2022 г. Федеральным конституционным законам*, в состав РФ вошли территории в контуре бывших Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей Украины, а также небольшой примыкающий к последнему региону части Николаевской области (Снигиревский и Александровский муниципальные округа). Суммарная площадь этих образований достигает 110 тыс. км² (табл. 1), что составляет 19,1 % всех украинских земель по состоянию до 21.02.2022** (но при этом эквивалентно лишь 0,64 % территории в современной российской юрисдикции).

Пространственное структурирование новых российских регионов – вопрос сложный, многоаспектный. Уместно, в частности, руководствуясь ландшафтоведческим подходом [9], рассматривать данные территории как сопряженность лесостепной (север) и степной зон (юг, азово-черноморское побережье). Можно вычленивать основные урбанистические ареалы [7; 10], в первую очередь полицентричную конурбацию Донбасса (удельный вес горожан в населении современной ДНР на 2021 г. достигал 91 %, а в ЛНР – 87 % при среднем уровне около 70 % как на Украине, так и в РФ), а также групповые формы расселения, образуемые Запорожьем и

Таблица 1

**Новые субъекты Российской Федерации:
некоторые территориально-структурные параметры**

Площадь территории, тыс. га	ДНР	ЛНР	Херсонская область	Запорожская область
Всего, в том числе:	2651,7	2668,3	2966,0	2718,3
не контролируемые Украиной до 24.02.2022	30	31,3	0,0	0,0
контролируемые на октябрь 2022 г. российскими вооруженными силами, %*	62	98	77	75

Примечание: * по данным <http://территорияукраины.рф>, <https://tuxpert.ru>.

Херсоном. Иной, не менее значимый, компонент пространственной структуры – приморские территории с их селитебной и хозяйственной спецификой (включая портовые комплексы Мариуполя, Бердянска, Херсона [11], а также целый ряд приуроченных к приморским поселениям рекреационных зон [12]), оконтуривающие четверку регионов по всему их южному периметру (от г. Новоазовска до Днепровского лимана).

* Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики»; Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики»; Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» и Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 N 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» (URL: www.consultant.ru).

** До момента признания Россией государственной независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

Имеются, разумеется, и иные различия. Но в современных условиях, безусловно, наиболее приоритетным для структурирования выступает *военно-географический аспект*, воплощенный прежде всего в обособлении полосы вооруженного противостояния, «мигрирующей» в связи с ходом и характером боевой обстановки (предопределяемой, в частности, как в целом театром военных действий, так и непосредственно линейной боевого соприкосновения, характером применяемых массовых вооружений и дальностью их действия, на начальной фазе СВО составлявшей до 30 км, а к лету 2022 г., благодаря поставкам западного вооружения Украине, возросшей до 150 км [13]). Его учет позволяет делимитировать собственно *прифронтовую зону* (до 24 февраля 2022 г. в нее не входило лишь немногим более одной трети от всей фактически контролируемой ДНР и ЛНР территории; к осени 2022 г. в полосе вероятного огневого поражения оказались не только все контролируемые РФ территории четырех регионов, но и, к примеру, западная часть Ростовской области), а также *территории активного вооруженного противостояния* (с различной степенью интенсивности, но неизменно сопровождаемого разрушением части жилого фонда, инфраструктуры, выводом из строя производственных объектов, ограничениями в ис-

пользовании имеющихся сельскохозяйственных угодий из-за созданных фортификационных сооружений и минирования и др.). К последней категории первоначально, начиная с 2014 г., можно было четко отнести линию размежевания между собственно ДНР-ЛНР и «украинскими» составляющими соответствующих регионов (около 400 км в длину [14] и, ориентируясь на удвоенные предельные возможности задействованных в тот период артиллерийских систем, порядка 70 км в ширину, что, кстати, эквивалентно не менее чем 50 % территории двух этих современных российских субъектов федерации). С марта 2022 г. данная полоса в целом расширилась на запад – северо-запад, объединяя также освобожденные РФ участки ДНР (к моменту завершения данной статьи – около 8 тыс. км²), и ЛНР (17 тыс. км²), причем в ситуации последней существенных разрушений удалось избежать для северо-востока региона, оказавшегося под контролем российских войск еще на ранней стадии спецоперации.

Устойчивая прифронтовая зона в последнее время складывается и в пределах Запорожской и Херсонской областей; ее последующее продвижение в сторону новой российской границы (обозначенной принятыми ФКЗ) неизбежно приведет к распространению ареала влияния фактора боевых действий на иные значимые для социально-экономического развития компоненты культурного ландшафта и, соответствен-

но, еще больше прирастит массив территорий, требующих обязательного *послевоенного восстановления, многоаспектной реабилитации*. Сложность (и капиталоемкость) последней во многом корреспондирует с демографо-поселенческой структурой новых российских регионов, с концентрацией в их пределах (в первую очередь непосредственно в Донбассе, а также на северо-западе Запорожской области) крупных ареалов с повышенной урбанизированностью и, соответственно, плотностью населения.

Селитебная освоенность территории и геодемографическая ситуация: основные тренды. В силу природно-климатических и в еще большей мере хозяйственных, экономико-географических обстоятельств рассматриваемые территории в целом отличает сравнительно высокий уровень хозяйственной освоенности и заселенности. Лишь в Луганской области (где почти 14 % территории занимают лесные массивы [15]) удельный вес распаханых территорий в общей структуре земельных угодий варьируется в диапазоне 31,5–32,2 % (в целом по Украине – около 49 %; по России – 7,2 %, но, к примеру, в Ростовской области – 59 %). В Херсонской области доля пашни (по итогам 2021 г.) – около 50 % территории, в Запорожской – почти 63 %, в Донецкой – 40 % (в 2013 г. – 50,2 %). Но именно Донецкая область (еще с советского периода и отчасти ранее) отличается наивысшей степенью заселенности (табл. 2).

Таблица 2

Некоторые демографические параметры новых российских регионов (в страновых сопоставлениях)

Параметр	ДНР*	ЛНР**	Запорожская область	Херсонская область	Украина	Россия
Плотность населения в 1989 г., чел./км ²	201	108	77	43	85,6	8,6
Соотношение численности населения в 2013 г. к 1989 г., раз	0,82	0,79	0,86	0,87	0,88	0,97
Численность населения в 2021 г., тыс. чел.***	4 059 372	2 121 300	1 638 462	1 016 700	4 158 800	14 759 600
Соотношение численности населения в 2013 г. к 1989 г., раз***	0,93	0,94	0,92	0,94	0,96	1,0
Для лиц старше 60 лет, %	30,4	31,7	25,7	23,6	24,3	21,2

Примечания: сост. по данным Укрстата и Росстата; * Донецкая область; ** Луганская (Ворошиловградская) область; *** без учета населения Крыма.

Только непосредственно в пределах ДНР и ЛНР сконцентрирована пятая часть всех городов и 27 % поселков городского типа в контуре (после марта 2014 г.) территории Украины. Всего

же четыре новых российских субъекта федерации объединяют 112 городов, 293 поселка городского типа (из них 90 городов и 240 поселков городского типа приходится непосредственно на

Донбасс [16]) и 3463 сельских поселения. Согласно украинской статистике (2021 г.), в них учитывается чуть более 8,8 млн человек, что существенно уступает аналогичному показателю 1989 г. (11,5 млн). Испытывая *продолгованную депопуляцию* (чьи факторы и проявления для Украины акцентированы во множестве публикаций [5; 17; 18 и др.]), рассматриваемые регионы за постсоветский период в итоге суммарно утратили практически четверть своего бывшего демографического потенциала. Сокращение численности населения на «остальной Украине» (без Крыма) за аналогичный период протекало, кстати, более замедленными темпами (соотношение численности населения в 2021 г. к 1989 г. составило для четырех регионов 0,76; для всех иных частей Украины – 0,87). Причем, если до 2014 г. население новых российских регионов опережающим образом сокращалось в большей мере за счет естественного прироста, то в последние восемь лет значимой причиной потери населения становится миграционный отток, дополняемый фактором военных действий (только с 1 января 2017 г. по 15 сентября 2020 г. Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ подтвердила сообщения о 946 жертвах среди гражданского населения, в том числе о 161 погибшем [19]; фактические потери – многократно выше [20]). Симптоматично, что в недавнем референдуме о вхождении в состав Российской Федерации из общего числа всех избирателей ДНР лишь 80 % учтены непосредственно на ее территории [21]. Показательна и оценка на начало октября 2022 г. по Херсонской агломерации в 320 тыс. наличного населения [22], что лишь немногим более 70% от официального статистического показателя (450 тыс. человек). О степени фактической заселенности четырех регионов (причем еще до СВО) косвенно позволяет судить и их удельный вес в общеукраинском производстве хлеба и хлебобулочных изделий: 12,4 % по итогам 2021 г., что в 1,7 раза уступает заявляемой Укрстатом на этот момент численности населения.

В новом политико-географическом контексте тренд депопуляции, полагаем, в целом сохранится. Частичная стабилизация ситуации во многом зависит от скорости завершения военной операции, масштаба последствий военных действий (и вероятной активности западоориентированного террористического подполья) для условий жизнедеятельности территории и, главное, темпов и результативности поствоенного восстановления. Фактором дальнейшего сокращения численности населения способны стать

и ранее сложившиеся (в составе постсоветской Украины, характеризуемой в том числе и выраженными диспропорциями в пространственном развитии [23, с. 44]) социально-экономические градиенты между ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областями и сопредельными с ними российскими территориями. Так, к примеру, согласно нашим расчетам, в Республике Крым душевой ВВП на 2020 г. был эквивалентен 4016 долл. США (в 2015 г. – 2482), в соседней с Донбассом Ростовской области – 6400, в Краснодарском крае – 7442, в то время как в Запорожской области – 3777, в Херсонской области – 2490 долл. США. Но и при предельно благоприятной военно-политической и социально-экономической ситуации преодолеть тенденцию снижения численности жителей новых российских территорий в полной мере не удастся, учитывая присутствующий им существенный сдвиг структуры населения в пользу старших возрастов (2,6 млн человек здесь пребывают в возрасте старше 60 лет). Фактором убыли населения станет и возможность (для граждан РФ) миграции в экономически наиболее развитые регионы и городские центры России. Определенная часть нынешних жителей четырех регионов примет, возможно, решение о переезде на территории, остающиеся в юрисдикции и под контролем Украины; интенсивность данного процесса, в свою очередь, будет предопределяться не только действенностью российской федеральной политики, но и складывавшимся многие десятилетия специфическим для каждого из четырех регионов этнодемографическим, этнолингвистическим балансом.

Этнодемографическая и лингвистическая специфика: динамический аспект. «Деревья, выросшие из одного корня, – подмечал применительно к ретроспективе российско-украинского взаимодействия видный российский историк, один из основоположников евразийства Г.В. Вернадский, – рассадить трудно» [24]. Корректность, справедливость этого постулата в особой мере подтверждает пример четырех новых российских регионов и в целом всего Северного Причерноморья, с конца XVIII в. ставшего пространством активного взаимодействия и со-развития представителей русского и украинского этносов.

Русско-украинскую этнолингвистическую дихотомию (и доминанту) в контуре современной ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей весьма четко зафиксировала уже Первая всеобщая перепись Российской империи (1897). Великорусский компонент численно превали-

ровал в немногочисленных (и по современным меркам малолюдных) городах (за исключением Александровска, ныне – Запорожья), малорус-

ский (украинский) – в сельской местности, концентрировавшей в тот период основной массив населения (табл. 3).

Таблица 3

Русско-украинская этнолингвистическая дихотомия на территориях Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.*

Территория	Численность населения, указавшего в качестве родного языка великорусский, чел.	Численность населения, указавшего в качестве родного языка малорусский, чел.	Доля в населении лиц, указавших в качестве родного, %	
			великорусский язык	малорусский язык
Херсонская губерния, в том числе:	575 375	1 462 039	21,04	53,48
Херсонский уезд	144 623	323 627	24,60	55,06
Херсон	27 902	11 591	47,23	19,62
Екатеринославская губерния, в том числе:	364 974	1 456 369	17,20	68,90
Мариупольский уезд	35 691	117 206	14,05	46,10
Мариуполь	19 670	3125	63,22	10,04
Славяносербский уезд	79 281	88 218	45,37	50,48
Луганск	13 907	3902	68,16	19,12
Александровский уезд, в том числе:	15 445	224 122	5,69	82,50
Александровск (Запорожье)	4667	8101	24,76	42,98
Таврическая губерния, в том числе:	404 463	611 121	27,9	42,22
Бердянский уезд	55 303	179 177	18,15	58,80
Бердянск	17 502	4115	66,06	15,53
Мелитопольский уезд	126 017	211 090	32,80	54,94
Мелитополь	6690	1366	43,19	8,82

*Примечание: сост. по данным сайта Демоскоп Weekly (<http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0>).

Удельный вес украинской этнолингвистической составляющей плавно нарастал по мере продвижения с востока на запад; какие-либо ощутимые этнокультурные пространственные рубежи напрочь отсутствовали; постепенностью переходов (что подмечалось в [24]) характеризовалась и сама лингвистическая сфера.

Широтный градиент в видоизменяющемся этнодемографическом (и лингвистическом) русско-украинском балансе территорий Донбасса и Северного Причерноморья в полной мере имел место и на последующих временных этапах. До-

минантной тенденцией (сполна проявившейся во второй половине XX в.) стало при этом постепенное (и повсеместное) увеличение доли в населении лиц, идентифицирующих себя как «русские» (см. табл. 4).

Процесс этот сопровождался (как это уже многократно отмечалось [20; 25–27]) устойчивым воспроизводством потомков от смешанных украино-русских браков, т.е. лиц со сдвоенной (и, соответственно, размытой, неустойчивой) национальной идентичностью.

Динамика русско-украинской этнодемографической дихотомии в Донецкой (Сталинской), Ворошиловградской (Луганской), Запорожской и Херсонской областях УССР в послевоенный советский период

Национальность	Год			
	1959	1970	1979	1989
<i>Донецкая (Сталинская) область</i>				
Русские	1 601 260 / 37,57*	1 987 218 / 40,62	2 225 398 / 43,21	2 316 091 / 43,60
Украинцы	2 368 120 / 55,56	2 596 894 / 53,08	2 622 553 / 50,92	2 693 432 / 50,71
<i>Луганская (Ворошиловградская) область</i>				
Русские	950 024 / 38,74	1 148 333 / 41,75	1 222 037 / 43,84	1 279 043 / 44,77
Украинцы	1 416 307 / 57,76	1 506 585 / 54,77	1 472 715 / 52,83	1 482 232 / 51,88
<i>Запорожская область</i>				
Русские	379 149 / 25,90	513 996 / 28,96	606 208 / 31,09	664 085 / 32,02
Украинцы	999 425 / 68,27	1 164 831 / 65,63	1 243 809 / 63,80	1 308 038 / 63,07
<i>Херсонская область</i>				
Русские	128 205 / 15,56	186 581 / 18,12	228 504 / 19,59	249 522 / 20,17
Украинцы	668 149 / 81,07	806 795 / 78,33	894 612 / 76,70	936 944 / 75,75

Примечание: сост. по данным Всесоюзных переписей населения; * в числителе – численность (чел.), в знаменателе – доля в населении (%).

С разрушением СССР этнодемографическая структура в новом формате обретшей государственность Украины стала логичным образом «украинизироваться», что зафиксировала про-

веденная в 2001 г. (по стечению обстоятельств оказавшаяся единственной) Всеукраинская перепись населения (табл. 5).

Таблица 5

Этнолингвистическая структура новых российских регионов по итогам Всеукраинской переписи 2001 г.

Этнолингвистическая группа	Удельный вес в населении, %			
	ДНР	ЛНР	Запорожская область	Херсонская область
Русские	38,2	39,0	24,7	14,1
Украинцы	56,9	58,0	70,8	82,0
Украинцы, считающие родным языком украинский	41,2	50,4	68,8	87,0
Русские, считающие родным языком украинский	1,3	1,7	4,4	8,4
Украинцы, считающие родным языком русский	58,7	49,4	30,9	13,0
Русские, считающие родным языком русский	98,6	98,2	95,3	91,6
Русские и украинцы, считающие родным языком украинский	28,94	33,06	54,58	76,52
Русские и украинцы, считающие родным языком русский	71,06	66,94	45,42	23,48

Примечание: сост. по «Языковой состав населения Украины» (<http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language>).

Только за первое постсоветское десятилетие по всем четырем регионам доля лиц, заявивших себя как «украинцы», возросла на пять-шесть процентных пунктов. Как не без основа-

ния полагают, дальнейшая этническая «перекодировка» населения в пользу «титულიной» нации имела место и в последующие два десятилетия [28–30].

«Титулизация» населения постсоветской Украины [29], тем не менее, лишь в еще большей мере обособила ее юго-восток как ареал преимущественной локализации русских и «русскости» [31]. Проявился и разнотемпный характер как собственно этнодемографических (формально-статусных, с однозначным ростом украинской составляющей в населении) структурных изменений, так и параллельно протекающих этнолингвистических процессов. Самоопределившись как «украинцы», потомки русско-украинских браков (а в пределах всего юго-востока Украины биэтнофоры составляли, по оценкам середины 2000-х гг., более 40 % населения [25]) оставались преимущественно приверженными родному (русскому) языку и культуре. Показательно в связи с этим, что, по данным переписи населения (см. табл. 5), доля формально русских в ДНР (Донецкой области) была практически вдвое меньше, чем удельный вес в населении лиц русской и украинской национальностей, указавших русский язык в качестве родного. Аналогичная ситуация имела место и в других трех регионах, а учитывая доступную аналитику [32–37], есть весомые основания полагать, что за истекшие с момента Всеукраинской переписи два десятилетия геолингвистическая ситуация принципиальным образом не изменилась. Все четыре новых российских региона, выступая частью обширного исторического биэтнического русско-украинского ареала (степной полосы, с севера опоясывающей Азовское и Черное моря от Одессы до Краснодара), испытав в постсоветский период «украинизацию», не утратили одновременно имманентную им сопричастность к Русскому миру. Степень последней существенно возросла для территориальных общностей, оконтуренных с 2014 г. границами «непризнанных» вплоть до 21 февраля 2022 г. ДНР и ЛНР. Сохранившуюся, но при этом существенно активизированную и актуализированную развернувшимся на Украине противостоянием между РФ и коллективным Западом глубинную принадлежность всех четырех регионов России (в ее цивилизационно-культурном понимании), недвусмысленно проиллюстрировали итоги референдума 23–27 сентября 2022 г. С этого временного рубежа этнодемографические тренды вновь, вне сомнения, кардинально изменятся (что наглядно иллюстрирует пример Крыма, где проведенная в 2014 г. перепись выявила долю лиц, обозначивших себя как «украинцы», в 15,4 %, в то время как в 2001 г. аналогичный показатель достигал 24,3 % [38]), инкорпорируя все новые террито-

рии Российской Федерации в пространство доминанты русского языка и динамично возвращая русско-украинский этнодемографический баланс как минимум к ситуации конца 1980-х гг.

Экономика: базовые специализации, место в центр-периферийной системе Украины. Сохраняющаяся (и превалирующая) в четырех регионах ментальная геокультурная приверженность ориентации «на Восток», на Россию – имеет и весомую экономическую (экономико-географическую) причинность, предопределяется как советским хозяйственным прошлым, так и пространственными процессами, протекавшими на современной Украине.

К концу 1980-х гг. УССР создавала до 20 % национального дохода нашей общей страны, половина этого объема приходилась на промышленность [16], в существенной мере локализованную в Донбассе (ДНР и ЛНР) и Криворожском бассейне (захватывающем север Запорожской области [39]). Основополагающим фактором развития ключевых индустриальных территорий Украины выступали при этом торгово-экономические связи именно с Россией, составляя 67 % производимого в пределах УССР конечного продукта [40].

Присущий постсоветской Украине глубокий трансформационный спад 1990-х гг. [41] и последовавшая за непродолжительным периодом восстановительного роста (2000–2008 гг. [42]) череда новых проявлений деградации хозяйственной сферы (в том числе под воздействием наметившегося после 2011 г. фактического свертывания экономического партнерства с Россией [43–45]), с одной стороны, вели к «периферизации» всей украинской территории (согласно данным Всемирного банка, в 2021 г. удельный вес Украины составил лишь 7,7 % от суммарного ВВП постсоветских государств, в то время как в 1992 г. достигал 11,8 %), с другой, – опережающим образом ухудшали положение именно украинского юго-востока, т.е. ведущих индустриальных регионов (см. табл. 6).

Складывающаяся с 2014 г. военно-политическая ситуация лишь катализировала процесс возрастающей на территории Украины асимметрии (и, соответственно, усугубляющегося конфликта интересов) между преимущественно «русскоязычными» регионами с традиционной доминантой тяжелой промышленности, химии и машиностроения, испытывающими проявления деиндустриализации (усугубляемые практической слабостью социальной политики государ-

ства и вследствие этого региональной дивергенцией всех индикаторов уровня жизни [46]), и все более концентрирующим сокращающиеся национальные ресурсы столичным ареалом (Киев, Киевская область), а также Западной Украиной, преимущественно аграрной, с зашкаливающим уровнем неформальной занятости, после введения шенгенского «безвиза» в 2017 г. четко ори-

ентированной на страны ЕС. В итоге возник, обретя масштаб и силу, своего рода территориально-экономический механизм пространственной сепарации, отторжения, противостояния, трансформировавшихся далее в этнотерриториальные форматы военно-силовой конфронтации и в конечном счете – геополитического, политико-географического размежевания.

Таблица 6

**Новые российские регионы в экономической структуре Украины
(ретроспективный анализ)**

Область	Год		
	2000	2010.	2013
<i>Удельный вес в совокупном ВВП Украины (без Крыма)</i>			
Донецкая	12,9	12,3	11,2
Луганская	4,8	4,3	3,7
Запорожская	5,7	4,1	3,7
Херсонская	1,8	1,5	1,4
<i>Душевой ВВП в соотношении с г. Киевом (душевой ВВП Киева равен 1,00)</i>			
Донецкая	0,597	0,412	0,346
Луганская	0,409	0,281	0,224
Запорожская	0,636	0,336	0,280
Херсонская	0,323	0,204	0,177

Примечание: сост. по данным Укрстата.

Регионы юго-востока перманентно утрачивали (для территориально-хозяйственной системы страны и в еще большей мере – ее властей) свое общеэкономическое значение; на этом фоне в «посткрымский период» возрастала их роль как арены антироссийского противостояния. Экономика (проецирующаяся на социальное положение территориальных общностей), в данном контексте четко предопределялась геополитикой (в том числе внутриукраинской), приносилась ей в жертву.

Разумеется, и на современном этапе профильная промышленность сохраняет свое стратегическое значение для новых российских территорий, причем в первую очередь для ДНР (где основой производственной деятельности остается угледобыча [7], в ощутимой мере пострадавшая от военных действий, с превысившим два-три нормативных срока износом оборудования [47]) и Запорожской области, до начала СВО генерировавшей до 43 % (2019 г.) всей производимой на территории Украины электроэнергии. Однако в целом за последнее время в структуре реальной экономики весьма отчетливо возрастает значение ее аграрной составляющей, в основном растениеводства, наращивающего объемы посевов и производства, демонстрирующего

свой экспортный потенциал (в Херсонской и Запорожской областях). Именно это направление хозяйствования, базирующееся на имеющихся 5 млн га только непосредственно посевных площадей (за последнее пятилетие приросших на 5 %), наряду с сохраняющимися звеньями пиromеталлургических циклов черных и цветных металлов, совокупностью гидроэнергопромышленных циклов, а также достаточно уплотненной транспортной инфраструктурой, сопоставимой с соседними российскими регионами (плотность автодорог, к примеру, по четырем новым субъектам на 2021 г. – 237 км на тыс. км² территории, а в Ростовской области – 267 км [48]; показательно, что в 2005 г. аналогичные показатели составляли 235 и 48 км соответственно), являет собой основу и возрождения местного производственного потенциала, и его инкорпорирования в современное, также меняющееся, испытывающее волатильность, во многом ориентированное на внешние рынки экономическое пространство России.

Эффекты, приоритеты и форматы инкорпорирования ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в социально-экономическое пространство России. Новые регионы не только укрепляют геостратегические позиции

России в Северном Причерноморье (в том числе расширяя возможности ресурсного и транспортного обеспечения Крыма), но и в целом позволяют нарастить демографический (ориентировочно на 3–4 %) и ресурсно-хозяйственный потенциал нашей страны (в посевных площадях – на 6 %, электрогенерации – на 5–6 %, добыче каменного угля – на 10 %, производстве зерновых – примерно на 4 %, подсолнечника – на 20 %, овощей – на 18–19 % и др.). Эти эффекты окажутся полномасштабными, конечно же, лишь в случае воплощения в жизнь *оптимистического* сценария полного (и сравнительно быстрого) перехода всех территорий четырех новых субъектов в фактическую юрисдикцию Российской Федерации (пока же 22 % их площади российскими силами не контролируется), а также в целом завершения (либо глубокой «заморозки») военного конфликта. Затяжное активное вооруженное противостояние (а на ноябрь 2022 г. налицо все геополитические и военно-стратегические предпосылки для реализации именно этого *реалистического* сценария) многократно усилит негативное воздействие боевых действий на технические системы и ландшафты четырех регионов (оказывающихся фактической устойчивой «серой зоной» в противостоянии России и коллективного Запада), ускорит процессы их депопуляции и экономической деградации. В кратко- и среднесрочной перспективе, полагаем, вероятно и совмещение двух вышеназванных сценариев, когда социально-экономическая сфера новых территорий будет точно, секторами (в рамках федеральной политики) восстанавливаться, а полосами (прифронтовыми), являя черты непосредственного театра военных действий, напротив, деградировать.

Необходимая послевоенная реабилитация (означающая также подтягивание новых субъектов к социальным стандартам Российской Федерации) напрямую связана с всемерным, планомерным (но при этом бережным, учитывающим общественно-географические реалии) включением экономических систем четырех территорий в российское пространство. Что, в частности, имеется в виду?

Во-первых, процессы восстановления инфраструктуры и производственного потенциала новых территорий должны быть максимально сопряжены и взаимоувязаны между собой за счет *приоритетной опоры на собственную* (имеющуюся в каждом регионе) *ресурсно-производственную базу*.

Во-вторых, восстанавливать и реконструировать структуру экономики (и в особой мере это относится к Донбассу, к северу Запорожской области) необходимо, принимая во внимание «колею инерции» (и одновременно потенциал) выстраиваемых на базе угледобычи, электрогенерации и смежных с ними производств *территориально-производственных комплексов* (представляющих собой, в классическом понимании Н.Н. Колосовского, «глубокое производственное (технико-экономическое) сочетание различных отраслей хозяйства... в первую очередь вокруг того стержня, каким является энергетика» [49, с. 135]).

В-третьих, важно сполна учитывать неизбежность воздействия геополитических детерминант и ограничений на последующее экономическое развитие четырех регионов, вынужденных столкнуться как с минимизацией возможностей собственной внешнеэкономической деятельности (появлением дополнительных транзакций и транспортных издержек, снижающих ее эффективность), так и с замедленным, селективным освоением региональных ресурсов и рынков крупным российским бизнесом. Необходимо в связи с этим реализовывать в пределах ДНР, ЛНР, Запорожской и Харьковской областей *стратегию трех контуров* (относительно самостоятельных цепочек, сегментов хозяйствования, товарных групп) регионального производства: внутреннего (замкнутого на локальных рынках в логике энергопроизводственных циклов), общероссийского (не зависящего от внешних санкций и ограничений), а также экспортоориентированного, включенного в транспортно-логистические и финансово-банковские схемы локализованного в пределах «остальной России» бизнеса.

В-четвертых, приоритетного внимания изначально требует опережающая *модернизация ключевых элементов транспортной инфраструктуры* новых территорий. Осевым ее элементом в современной политико-географической конфигурации выступает прежде всего автомагистраль «Ростов-на-Дону – Таганрог – Мариуполь – Бердянск – Мелитополь – Херсон» (с ее ответвлением на Джанкой), которая в первоочередном порядке должна быть доведена до современных российских стандартов.

В-пятых, приоритетное значение для новых территорий, безусловно, имеет *фактор соседства*, т.е. связи Херсонской области с регионами Крыма, а ДНР, ЛНР и Запорожья – с Ростовской областью. Важно сполна задействовать (и наращивать) потенциал последней (ее юго-за-

пада и запада) как основного «хаба» (и опорной базы, включая и научно-образовательный компонент) для решения восстановительных, коммуникационных и модернизационных задач применительно к рассматриваемым четырем регионам.

В-шестых, инкорпорирование в ресурсное, коммуникационное и экономическое пространство Российской Федерации должно в обязательной мере учитывать *фактор моря*. Опираясь на опыт Крыма, важно при этом осознавать, что в былом виде морское хозяйство новых территорий не может быть полностью воссоздано в силу различного рода санкционных ограничений со стороны недружественных России государств. Морские порты Мариуполя и Бердянска должны быть переориентированы на каботажные перевозки. Вместе с тем фактическое превращение Азовского моря во внутренний водоем Российской Федерации само по себе создает дополнительные возможности (в процессе выстраивания круизных маршрутов, развития яхтинга, марикультуры и др.). Следует «приблизить к морю» и ключевую в масштабе четырех регионов урбанизированную зону Донбасса за счет ее транспортно-логистического смыкания с Ростовской агломерацией (приморской, приустьевой как по местоположению, так и по компонентам функционала). Это может быть достигнуто в процессе сооружения новой высокоскоростной автомагистрали «Ростов-на-Дону – Донецк», позволяющей преодолевать расстояние между этими двумя крупнейшими городами Юга России за 1,5 часа и фактически конструирующей бицентричную межрегиональную конурбацию с населением не менее чем 4–4,5 млн человек (в потенциале – третий в масштабе России ареал потребительского спроса).

Завершая, отметим, что еще 14 лет назад мы озвучили идею «Большого Юга России», включающего в свой состав (как тогда виделось [50]) в том числе и сопредельные территории – Крым, Донецкую и Луганскую области. Последующий период ознаменовался уже двукратным фактическим изменением российского политико-географического контура на нашем юге (юго-западе); именно здесь геополитические рубежи Отечества обрели динамику, сохраняется потенциал и их дальнейшей «миграции». Юг России действительно становится «большим», активизируется и столь необходимый в современном евразийском контексте южный (юго-западный) вектор в геостратегии Российской Федерации, в ее пространственном развитии [51], многократно актуализируя тем самым

«юговедческую» научно-исследовательскую тематику, одним из значимых центров разработки которой традиционно выступает Южный федеральный (Ростовский) университет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лавров С.Б.* Геополитика: возрождение запретного направления // Известия Русского географического общества. 1993. № 4. С. 36–41.
2. *Шулер В.А.* Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.
3. *Zakaria F.* The Post-American world. London: Allen Lane, 2008. 304 p.
4. *Суций С.Я., Дружинин А.Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
5. *Суций С.Я.* Украина – Россия – Мир: до и после 2014 года (некоторые аспекты взаимодействия). М.: Ленанд, 2015. 334 с.
6. *Матишов Г.Г.* Опасные тенденции и риски на южном фланге России. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 285 с.
7. *Половян А.В., Лепя Р.Н., Гринева С.Н.* Экономика территорий с вновь образованной государственностью – Донецкая Народная Республика // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 99–107.
8. *Дружинин А.Г.* Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник. 2022. № 2. С. 17–33.
9. *Мильков Ф.Н.* К анализу ландшафтных физико-географических рубежей на Русской равнине // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. № 1. С. 11–25.
10. *Mezentsev K., Pidgrushnyi G., Mezentseva N.* Challenges of the post-Soviet development of Ukraine: economic transformations, demographic changes and socio-spatial polarization // Understanding geographies of polarization and peripheralization. New geographies of Europe / Ed. by T. Lang [et al.]. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 252–269.
11. *Mihai N.* Problems and prospects of development of seaports logistic infrastructure in Ukraine // Three Seas Economic Journal. 2020. Vol. 1, № 1. P. 53–59.
12. *Geography of tourism of Ukraine / V. Kiptenko [et al.] // The geography of tourism of central and eastern European countries. Cham: Springer, 2017. P. 509–551.*
13. *Артиллерия России против гаубиц НАТО на Украине: кто стреляет дальше.* URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/06/12/14978792.shtml>.
14. *Длина линии фронта ЛДНР – немного географии.* URL: <https://pivopotam.livejournal.com/373274.html>.
15. *Регіони України. 2020: стат. зб. Ч. I.* Київ: Державна служба статистики України, 2021. 276 с.

16. Экономическая география СССР: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. А.Т. Хрущева, Т.М. Калашниковой, И.В. Никольского. М: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 288 с.
17. Антонюк В.П. Аналіз трудового потенціалу Придністровського і Донецького економічних районів у контексті формування регіональних інноваційних екосистем // Економічний вісник Донбасу. 2020. № 1. С. 4–14.
18. Niemets L., Segida K., Guseva N. Demographic potential as the basis for social and economic development // Економічний часопис – XXI. 2015. № 3–4 (1). С. 93–96.
19. Жертвы среди гражданского населения в охваченных конфликтом районах на востоке Украины (1 января 2017 г. – 15 сентября 2020 г.): тематический отчет специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/9/469737.pdf>.
20. Суцций С.Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России. 2016. Т. 12, № 2. С. 82–90.
21. Итоги референдума в ДНР. URL: <https://cikdnr.su/2022/09/28/itogi-referenduma-v-dnr/>.
22. На правом берегу Днепра в Херсонской области осталось не менее 150 тысяч жителей. URL: <https://www.interfax.ru/russia/869787>.
23. Руденко Л.Г., Лисовський С.А., Маруняк Є.О. Выклики і загрози просторового розвитку України на шляху до євроінтеграції // Український географічний журнал. 2016. № 1. С. 41–46.
24. Вернадский Г. Князь Трубецкой и украинский вопрос // Columbia University. The Butler Library Bakhmeteff Archives (BAR). GVP. George Vernadsky Papers. В. 96. Arranged manuscripts, articles, books, essays, lectures, broadcasts by G. Vernadsky. P. 1–14. P. 2.
25. Хмелько В.Е. Социальная основа расхождения электоральных предпочтений двух частей Украины на выборах 2004–2007 годов // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. СПб.: Эйдос, 2011. С. 398–409.
26. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001. 438 с.
27. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность: сб. докладов. М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
28. Борисенко В.К. Етнічний склад населення України // Українська етнологія / за ред. В.К. Борисенко. Київ: Либідь, 2007. С. 60–69.
29. Митрофанова И.В., Суцций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
30. Zakharova O. Ukraine's loss of human capital due to demographic, socio-economic and socio-political crises, 1990–2019 // Revista Galega de Economía. 2020. Vol. 29, №. 2. P. 1–14.
31. Манаков А.Г. Территориальные различия в доле русских в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2020. № 2. С. 179–190.
32. Бирюкова С.Н. Проблемы функционирования русского языка на Украине // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 3. С. 27–31.
33. Городяненко В.Г. Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 89–96.
34. Ефимов С.А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
35. Мезенцев К.В., Гнатюк А.М. Русская культура в Украине: региональные тренды и идентичность // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 378–397.
36. Лозинський Р.М. Мовна ситуація в Україні (суспільно-географічний погляд). Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. 503 с.
37. Скляр В. “Поліетнічність” населення України і результати переписі в 1989 та 2001 років // Українознавство. 2016. № 1. С. 136–154.
38. Национальный состав населения. URL: https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_638185.pdf.
39. Страны и народы: в 20 т. Т. 18. Советский Союз. Республики Прибалтики, Белоруссия, Украина, Молдавия / отв. ред. Г.М. Лаппо. М.: Мысль, 1984. 349 с.
40. Гранберг А., Суслов В. Межреспубликанские экономические отношения накануне распада СССР // Региональное развитие и сотрудничество. 1997. № 5. С. 17–25.
41. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития (доклад ученых центра постсоветских исследований Института экономики РАН) / Л.Б. Вардомский [и др.] // Российский экономический журнал. 2012. № 3. С. 36–73.
42. Вардомский Л.Б., Пылин А.В. Отраслевые и региональные особенности антикризисной политики в Украине // Федерализм. 2009. № 3. С. 117–134.
43. Евченко Н.Н., Филонич В.В. Кризис российско-украинских отношений и внешняя торговля: проекция для трех уровней управления // Известия вузов. Сев.-Кав. регион. Общественные науки. 2015. № 4. С. 108–113.
44. Kolosov V. Radical shifts in Russian-Ukrainian relations and geopolitics of neighbourhood // Journal of Geography, Politics and Society. 2018. Vol. 8, № 2. P. 78–91.

45. Дружинин А.Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник. 2018. № 2. С. 28–39.
46. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2011. № 1. С. 17–30.
47. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы. Донецк: Ин-т экономических исследований, 2017. 84 с.
48. Регионы России: социально-экономические показатели. 2021 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf.
49. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. 1947. № 6. С. 133–168.
50. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 287 с.
51. Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 5–16.

REFERENCES

1. Lavrov S.B. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1993, no. 4, pp. 36–41.
2. Shuper V.A. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 12, pp. 3–21.
3. Zakaria F. *The Post-American world*. London, Allen Lane, 2008, 304 p.
4. Sushchy S.Ya., Druzhinin A.G. *Ocherki geografii russkoy kultury* [Essays on the geography of Russian culture]. Rostov-on-Don, Publishing House of North Caucasus Scientific Center of Higher Schools, 1994, 576 p.
5. Sushchy S.Ya. *Ukraina – Rossiya – Mir: do i posle 2014 goda (nekotorye aspekty vzaimodeystviya)* [Ukraine – Russia – the World: before and after 2014 (some aspects of interaction)]. Moscow, Lenand, 2015, 334 p.
6. Matishov G.G. *Opasnye tendentsii i riski na yuzhnom flange Rossii* [Dangerous trends and risks on the southern flank of Russia]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Centre RAS, 2016, 285 p.
7. Polovyan A.V., Lepa R.N., Grinevskaya S.N. *Problemy prognozirovaniya*, 2018, no. 1, pp. 99–107.
8. Druzhinin A.G. *Geograficheskiy vestnik*, 2022, № 2, pp. 17–33.
9. Milkov F.N. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, 1952, no. 1, pp. 11–25
10. Mezentsev K., Pidgrushnyi G., Mezentseva N. Challenges of the post-Soviet development of Ukraine: economic transformations, demographic changes and socio-spatial polarization. In: Understanding geographies of polarization and peripheralization. New geographies of Europe / Ed. by T. Lang [et al.]. London, Palgrave Macmillan, 2015, pp. 252–269.
11. Mihai N. *Three Seas Economic Journal*, 2020, Vol. 1, no. 1, pp. 53–59.
12. Geography of tourism of Ukraine / V. Kiptenko [et al.]. In: The geography of tourism of central and eastern European countries. Cham, Springer, 2017, pp. 509–551.
13. *Artilleriya Rossii protiv gaubits NATO na Ukraine: kto strelyayet dalshe* [Russian artillery against NATO howitzers in Ukraine: who shoots further]. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/2022/06/12/14978792.shtml>.
14. *Dlina linii fronta DNR – nemnogo geografii* [The length of the front line of the LDPR – a bit of geography]. Available at: <https://pivopotam.livejournal.com/373274.html>.
15. Regions of Ukraine. 2020: Stat. coll. Part I. Kyiv: State Statistics Service of Ukraine, 2021, 276 p.
16. *Ekonomicheskaya geografiya SSSR: v 2 ch. Ch. 2 / pod red. A.T. Khrushcheva, T.M. Kalashnikovoy, I.V. Nikolskogo* [Economic geography of the USSR: in 2 parts. Part 2 / Ed. by A.T. Khrushchev, T.M. Kalashnikova, I.V. Nikolsky]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1988, 288 p.
17. Antonyuk V.P. *Ekonomichniy visnik Donbasu*, 2020, no. 1, pp. 4–14.
18. Niemets L., Segida K., Guseva N. *Ekonomichniy chasopis – XX*, 2015, no. 3–4 (1), pp. 93–96.
19. *Zhertvy sredi grazhdanskogo naseleniya v okhvachennykh konfliktom rayonakh na vostoke Ukrainy (1 yanvarya 2017 g. – 15 sentyabrya 2020 g.): tematicheskij otchet spetsial'noy monitoringovoy missii OBSE v Ukraine* [Civilian casualties in conflict-affected areas in Eastern Ukraine (January 1, 2017 – September 15, 2020): Thematic Report of the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine]. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/9/469737.pdf>.
20. Sushchy S.Ya. *Nauka Yuga Rossii*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 82–90.
21. *Itogi referendumov v DNR* [Results of the referendum in the DPR]. Available at: <https://cikdnr.su/2022/09/28/itogi-referendumov-v-dnr/>.
22. At least 150 thousand inhabitants remained on the right bank of the Dnieper in the Kherson Region. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/869787>.
23. Rudenko L.G., Lisovsky S.A., Marunyak E.O. *Ukrainskiy geografichny zhurnal*, 2016, no. 1, pp. 41–46.
24. Vernadsky G. *Knyaz Trubetskoy i ukrainskiy vopros* [Prince Trubetskoy and the Ukrainian question]. In: Columbia University. The Butler Library Bakhmeteff Archives (BAR). GVP. George Vernadsky papers. B. 96. Arranged manuscripts, articles, books, essays, lectures, broadcasts by G. Vernadsky, pp. 1–14, p. 2.

25. Khmelko V.E. *Sotsialnaya osnova raskhozhdeniya elektoralnykh predpochteniy dvukh chastey Ukrainy na vyborah 2004–2007 godov* [The social basis of the divergence of electoral preferences of the two parts of Ukraine in the elections of 2004–2007]. In: *Sotsiologiya vchera, segodnya, zavtra. Novye rakursy* [Sociology yesterday, today, tomorrow. New perspectives]. St. Petersburg, Eydos, 2011, pp. 398–409.
26. Savoskul S.S. *Russkie novogo zarubezhya: vybor sudby* [Russians of the new abroad: the choice of fate]. Moscow, Nauka, 2001, 438 p.
27. Tarkhov S.A. *Itogi perepisi naseleniya Ukrainy 2001 goda* [Results of the 2001 Ukrainian population census]. In: *Chetvertye sokraticheskie chteniya po geografii. Nauchnye teorii i geograficheskaya realnost: sb. dokladov* [Fourth Socratic readings in geography. Scientific theories and geographical reality: collection of reports]. Moscow, Eslan, 2004, pp. 144–164.
28. Borisenko V.K. *Etnichniy sklad naselennya Ukraïni* [Ethnic composition of the population of Ukraine]. In: *Ukrainska etnologiya / za red. V.K. Borisenko* [Ukrainian ethnology / ed. by V.K. Borysenko]. Kyiv, Libid, 2007, pp. 60–69.
29. Mitrofanova I.V., Sushchy S.Ya. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 8, pp. 45–58.
30. Zakharova O. *Revista Galega de Economia*, 2020, vol. 29, no. 2, pp. 1–14.
31. Manakov A.G. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. geograficheskaya*, 2020, no. 2, pp. 179–190.
32. Biryukova S.N. *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2014, no. 3, pp. 27–31.
33. Gorodyanenko V.G. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 1, pp. 89–96.
34. Efimov S.A. *Istoriya i sovremennost*, 2009, no. 1, pp. 177–189.
35. Mezentsev K.V., Gnatyuk A.M. *Russkaya kultura v Ukraine: regionalnye trendy i identichnost* [Russian culture in Ukraine: regional trends and identity]. In: *Fenomen kultury v rossiyskoy obshchestvennoy geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty / pod red. A.G. Druzhinina, V.N. Streletskogo* [Phenomenon of culture in Russian public geography: expert opinions, analytics, concepts / Ed. by A.G. Druzhinin, V.N. Streletsky]. Rostov-on-Don, Publishing House of SFedU, 2014, pp. 378–397.
36. Lozinsky R.M. *Movna situatsiya v Ukraïni (suspilno-geografichniy poglyad)* [Language situation in Ukraine (socio-geographical view)]. Lviv: Publishing Center of Lviv National University named after I. Franko, 2008, 503 p.
37. Sklyar V. *Ukrainoznavstvo*, 2016, no. 1, pp. 136–154.
38. *Natsionalnyy sostav naseleniya* [National composition of the population]. https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_638185.pdf.
39. *Strany i narody: v 20 t. T. 18 Sovetskiy Soyuz. Respubliki Pribaltiki, Belorussiya, Ukraina, Moldaviya* / otv. red. G.M. Lappo [The Soviet Union: in 20 vols. Vol. 18. Baltic Republics, Belarus, Ukraine, Moldova / Ed. by G.M. Lappo]. Moscow, Mysl, 1984, 349 p.
40. Granberg A., Suslov V. *Regional'noe razvitie i sotrudnichestvo*, 1997, no. 5, pp. 17–25.
41. Vardomsky L.B. et al. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 36–73.
42. Vardomsky L.B., Pylin A.V. *Federalizm*, 2009, no. 3, pp. 117–134.
43. Evchenko N.N., Filonich V.V. *Izvestiya vuzov. Sev-Kav. region. Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 4, pp. 108–113.
44. Kolosov V. *Journal of Geography, Politics and Society*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 78–91.
45. Druzhinin A.G. *Geograficheskiy vestnik*, 2018, no. 2, pp. 28–39.
46. Zubarevich N.V., Safronov S.G. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Ser. geograficheskaya*, 2011, no. 1, pp. 17–30.
47. *Ekonomika Donetskoy Narodnoy Respubliki: sostoyanie, problemy, puti resheniya: nauchnyy doklad / pod nauch. red. A.V. Polovyana, R.N. Lepy* [Economy of the Donetsk People's Republic: state, problems, solutions: scientific report / Ed. by A.V. Polovyan, R.N. Lepa]. Donetsk, Institute of Economic Research, 2017, 84 p.
48. *Regiony Rossii: sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2021 g.* [Regions of Russia: socio-economic indicators. 2021]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf.
49. Kolosovskiy N.N. *Voprosy geografii*, 1947, no. 6, pp. 133–168.
50. Druzhinin A.G. *Globalnoe pozitsionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii* [Global positioning of the South of Russia: factors, features, strategies]. Rostov-on-Don, Publishing House of SFedU, 2009, 287 p.
51. Druzhinin A.G. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2022, no. 1, pp. 5–16.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2022 г.

The article was submitted to the editorial office on October 29, 2022

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).